

Масаев М.В.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

(философско-исторический аспект)

Актуальность проблемы для таких молодых и стоящих на перепутье исторического развития государств как Украина и Россия заключается в том, что любая экономическая, политическая или военная реформа, отказывающаяся учитывать возможности соответствующего символического капитала, обречена на провал. А субъектом символического капитала является именно интеллигенция.

Цель работы – определить понятие символического капитала и раскрыть положение об интеллигенции как субъекте символического капитала. Для осуществления этой цели решаются следующие задачи: выяснение этимологии понятия «символический капитал», сопоставление его с «габитусом» французских постструктуралистов и с таким социально-культурным феноменом как память, уяснение роли интеллигенции как субъекта символического капитала и доказательство истинности высказанных положений на примере последних мировых политических событий, в частности, на Кавказе.

Что касается новизны темы, то она является логическим продолжением начатых автором исследований в ранее опубликованных статьях: «Символический капитал как категория философии истории» [9] и «Интеллигенция как хранительница символического капитала и носительница символической власти» [1]. Новым, по сравнению с этими публикациями, является доказательство субъектности интеллигенции в практическом функционировании символического капитала.

О том, что интеллигенция может быть хранительницей символического капитала, нами уже говорилось и писалось [1, с. 31-33]. Сейчас речь пойдет об интеллигенции как субъекте символического капитала.

Аристотель рассматривал категорию субъекта как категорию, обозначающую носителя свойств, состояний и действий. Рассмотрим и мы интеллигенцию как носителя свойств, состояний и действий символического капитала.

Но что такое символический капитал? Как и любой капитал (от нем. Kapital, первоначально – главное имущество, от лат. Capitalis – главный), символический капитал – это ценность. И это не лежащее сокровище, а подлинный капитал, стоимость работающая.

Термин «символический капитал» употреблял доктор философских наук, профессор, бывший заведующий кафедрой политологии МГУ А. С. Панарин в опубликованной в номерах 4-12 журнала «Москва» за 2002 год работе «Стратегическая нестабильность XXI века» [2]. Полагая, что все понимают, что такое капитал и что такое символы, А. С. Панарин не дал определения «символического капитала», считая это излишним, так как этимология слов «капитал» и «символ» известны всем его читателям. Очевидным он полагал и то, что его «символический капитал» поймут не как капитал нереальный, а как вполне реальный капитал символов, сокровищницу или просто кладовую символов. А чтобы его термин не поняли превратно. А. С. Панарин сопоставил понятие своего «символического капитала» с понятием «габитус», которым активно оперирует современная социологическая школа французского постструктурализма. По П. Бурдьё, «габитусы – это системы устойчивых и переносимых диспозиций..., предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированы к их целям, однако не предполагают осознанную направленность на неё» [3, с. 192].

И французские «габитусы», и свой «символический капитал» А. С. Панарин считает «копилкой коллективной памяти, облегчающей нам консенсус [2, № 9, с. 185]. Не случайно кандидат философских наук, доцент Керченского экономико-гуманитарного института Таврического национального университета им. В. И. Вернадского О. Г. Мормуль считает память «системой определенных знаков, символов, различных образцов, связанных между собой и образующих «ядро культуры» [4, с. 105]. При этом «память – это целостный социокультурный и социально-психологический феномен, объединяющий субъективные и объективные факторы развития общества, выявляющийся на уровне духовно-практических процессов, охватывающий накопленный опыт рода, племени, этноса, нации, народа. Память выражает единство исторических этапов культуры, выделяя особенности способов коммуникации и деятельности индивидов, хранения и передачи социального опыта» [4, с. 105]. Да и сам А. С. Панарин нередко называет свой «символический капитал» «копилкой общей памяти» [2], а символами в этой «копилке общей памяти», в банке, в котором лежит «символический капитал», могут быть, по А. С. Панарину, и «обычаи, которым следуют не раздумывая», и «культурные герои, продолжающие служить образами» [2]. Сюда стоит добавить и реальных исторических героев, политических деятелей, полководцев, исторические события, которые в гораздо большей степени, чем «культурные герои», могут служить образами и в качестве символов быть регуляторами общественных отношений.

Символический капитал не лежит на складе, как золото в Форт-Ноксе, он не лежит в банках, он находится в головах людей и прежде всего в головах интеллигенции. Не случайно музыкант Юрий Шевчук назвал в № 14 (607) «Аргументов и фактов» за апрель 2008 года интеллигенцию «золотом, которое не ржавеет» [5, с. 8]. То, что носитель символического капитала – головы интеллигентов и продукты труда интеллигентов (книги, электронные и прочие носители информации) – очевидно. В головах рабочих и крестьян такого капитала значительно меньше. Именно поэтому рабочие и колхозники в Верховных Советах СССР, союзных и автономных республик прекрасно работали в качестве безмозглой и бессловесной ширмы власти партийных боссов, они вовремя поднимали руки и аплодировали и выкрикивали междометия. На большее

они не были способны.

Интеллигенция является носителем всех свойств символического капитала и прежде всего такого свойства как символическая власть, власть символов, неформальная, но неодолимая власть над умами людей. Но это уже другая тема.

Переходим к состояниям интеллигенции как субъекта символического капитала. Обладая символическим капиталом, интеллигенция создаёт в обществе господство образов, эти образы могут быть как истинными, так и ложными. Став символами, все эти образы овладевают настроениями обывателей, захватывают общество в плен этих, в том числе и ложных символов. Достаточно образа демократии и таких её символов как США и... Грузия. Несмотря на то, что американский философ, публицист и поэт XIX века Ралф Уолдо Эмерсон предупреждал, что «нынешняя демократия не имеет ничего общего с демократическим началом. Насквозь проникнутая торгашеским духом, она обречена на гибель» [6, с. 561], образ демократии имеет символом США, воюющих с мирным населением Ирака, Афганистана и имеющих государственный долг в 50 триллионов долларов. Но носитель такой черты субъектности символического капитала, как интеллигенция, сумела создать ложный символ образа демократии. Профессор И. И. Кальной как-то назвал интеллигента «субъектом совести» [7, с. 12]. Но в качестве субъекта символического капитала интеллигенция может быть и бессовестной. Как субъект символического капитала интеллигенция всё чаще и чаще становится субъектом манипуляции. Особенно это касается юристов, которых нам так не хватает. «Юристы, пишет А. М. Орехов из российского города Королев-10, главная цель которых – создавать, комментировать и интерпретировать правовые нормы, а также защищать или обвинять людей в процессе применения этих норм, могут весьма глобально оперировать известной им правовой информацией, пользуясь незнанием или неведением других субъектов правового пространства, навязывать этим субъектам нужные им лично (или некоему «заказчику») мнения и представления» [8, с. 100]. У Михаила Саакашвили есть мудрый консультант по международному праву, Председатель грузинского парламента Нино Бурджанадзе, профессор, заведующая кафедрой международного права Тбилисского университета. А у Д. В. Медведева и В. В. Путина – заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, курирующий вопросы международного права Сергей Александрович Орджоникидзе – этнической грузин. Мертвые осетины молчат. Молчит в плане грамотной юридической аргументации и защитница оставшихся осетин Россия. Концерт-реквием на развалинах залитого кровью Цхинвала осетина Гергиева «демократическая» общественность мира не услышала. А истеричные вопли живых грузин, которых никто не убивал, «демократическая» интеллигенция слышит. Международный Суд ООН, не принявший в своё время иска Либерии и Эфиопии против расистской ЮАР, иск Грузии против России принял, хотя международное преступление, геноцид совершил режим М. Саакашвили. О Заповеди Божией «не убий» забыли. Молчат юристы-международники о Пакте Бриана-Келлога 1928 года о запрете применения силы в международных отношениях. Ничто не может быть оправданием применения силы, ни ядерные программы отдельных стран и уж никакой суверенитет и никакая «демократия». Неприменение силы является одним из основополагающих принципов международного права, а в качестве такового его источником и нормой *ius cogens*, т. е. нормой, подлежащей обязательному исполнению, о чём забыли и российский грузин С. А. Орджоникидзе, и Нино Бурджанадзе. Делают вид, что этой нормы нет, и члены Международного Суда ООН. Какой уж тут «субъект совести», субъект бессовестной символической власти – это да.

Как и всякий капитал, символический капитал может служить разным целям. В данном случае символический капитал «демократических» стран: США, Грузии и Украины оказался богаче и сильнее. При всём том, что события начала августа 2008 года на Кавказе поражают и потрясают. Воспользовавшись отсутствием В. В. Путина (убыл на Олимпиаду в Пекин) и Д. В. Медведева (краткосрочный отпуск), президент Грузии М. Саакашвили отдал приказ об уничтожении из сорокаствольных «Градов» столицы Южной Осетии Цхинвала вместе с населением и российским батальоном миротворцев, который против ночного обстрела «Градов» был так же бессилён, как и мирное население. Цхинвал был разрушен. Жители погибли. Тех, кто прятался в подвалах, грузины забрасывали гранатами. Убивали в больницах и роддомах. Назвал это М. Саакашвили «восстановлением конституционного порядка», а запоздалую попытку 58-й армии России спасти Цхинвал (спасать было уже практически нечего и некого) – агрессией против Грузии. О запоздалых действиях Российской Федерации говорил в Госдуме лидер российских коммунистов Г. А. Зюганов. И эту запоздалую попытку спасти от геноцида хотя бы часть населения Южной Осетии вслед за М. Саакашвили назвали агрессией и прочие «демократы».

Но страшен не только геноцид населения Южной Осетии, страшно и чудовищно, что такого, по выражению Д. В. Медведева, «отморозка» как М. Саакашвили поддержала и грузинская оппозиция, и вся грузинская интеллигенция, чего только стоит один Вахтанг Кикабидзе, и... грузинская православная церковь. Митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл (Гундяев) ошибался, когда, осуждая с экранов телевизоров геноцид М. Саакашвили, говорил, что грузинская православная церковь его не поддержала. Католикос-патриарх Грузии Илия II благословил «восстановление конституционного порядка» в Южной Осетии, который не мог не вылиться в геноцид. Автора первого издания грузинского геноцида в Южной Осетии и Абхазии, первого президента Грузии, интеллигента, писателя и сына писателя, Звиада Гамсахурдию убили сами грузины. Они не простили ему того, что организованный им геноцид народов Южной Осетии и Абхазии вынудил эти народы провозгласить независимость. Геноцид М. Саакашвили вынудил Россию и ряд других государств мира признать независимость этих многострадальных народов. А грузинский народ, поддержанный таким субъектом символического капитала и таким субъектом власти этого капитала как грузинская, украинская и прочая «демократическая» интеллигенция, продолжает верить, что, опираясь на НАТО, их воинственный президент снова отважится на военное (иное давно уже не представляется воз-

можным) восстановление «конституционного порядка». Этого не должно произойти. Остановить третью попытку геноцида народов Абхазии и Южной Осетии – задача интеллигенции как субъекта символического капитала и такой функции этого капитала как символическая власть.

Не случайно профессор В. В. Кизима поднимает в связи с интеллигенцией проблему «по-новому ставить вопрос о субъектах и движущих силах истории». Поскольку «не политические события на самом деле порождают перемены в обществе (они их лишь завершают); начало истинно значимых перемен и новых смыслов следует искать в переживаниях, чувствах и головах интеллигентов, в непрерывно текущих в них антропологических «революциях», непосредственно связанных с реальностью социального бытия. От людей этой субстанциональной группы (интеллигенции – М. М.) новые переживания, чувства и идеи как семена переносятся в общество, «заражают» его и ведут социум к изменениям и преобразованиям» [10, с. 15].

Источники и литература

1. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала и носительница символической власти // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 134. – С. 31-33.
2. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. – 2002. – № 4-12.
3. Бурдые П. Практический смысл. – СПб., 2001.
4. Мормуль О. Г. Концепт памяти в полиэтнической культуре Крыма // Культура народов Причерноморья. – 2007. - № 108. – С. 105-107.
5. Так «совесть» или же «г...о» нации? // Аргументы и Факты. – 2008. – № 14 (607). – апрель. – С. 8-9.
6. Эмерсон Ралф Уолдо // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с. – С. 561.
7. Кальной И. И. Ещё раз о понятии «интеллигенция» // Культура народов Причерноморья. – 2008. - № 134. – С. 12-13.
8. Орехов А. М. Интеллигенция как субъект и объект манипуляции // Культура народов Причерноморья. – 2008. - № 134. – С. 99-100.
9. Масаев М. В. Символический капитал как категория философии истории // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – Сер. «Философия. Социология». – С. 190-199.
10. Кизима В. В. РГ-дуальная роль интеллигенции в истории // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). – № 3. – Сер. «Философия. Социология». – С. 12-17.

Ушно И.М.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Постановка проблемы. Современное общество артикулирует коммуникацию как один из основных факторов развития и стремительного роста информационных технологий. Последние тенденции украинской действительности обнаруживают то влияние, которое оказывает информационно-коммуникативное пространство на осуществление практически всех видов человеческой деятельности. Таким образом, любое научно-теоретическое исследование феноменов современной действительности актуально проводить в контексте проблемного поля информационного общества.

Коммуникация как предмет современного гуманитарного знания привлекает к себе большое внимание современных исследователей в силу широты и неоднозначности научного толкования. Так, специалисты различных областей науки используют этот термин для обозначения далеких друг от друга явлений, определяя, и акт общения, и информационный канал как коммуникацию. На наш взгляд, столь неоднозначные, а порой и противоречивые трактовки не способствуют построению общетеоретического обоснования коммуникативных процессов в общем и особенностей осуществления коммуникативной деятельности в частности.

Целью данной статьи является репрезентация методологических основ в исследовании коммуникации и попытка систематизации научно-теоретического поля в изучении феномена «коммуникация».

Анализ проблемы. Современная украинская действительность актуализирует необходимость и своевременность исследований коммуникации как комплексной проблемы на стыке разных научно-теоретических и прикладных направлений. Специфика комплексного подхода состоит с одной стороны в многомерном исследовании поставленной проблематики, а с другой стороны в разрозненности взглядов на нее. Такая ситуация характерна для многих современных явлений, которым свойственна высокая динамичность в условиях глобализации. Последние детерминируют неоднозначность и синтезированность коммуникационных процессов. В данном контексте смысловые границы понятия «коммуникация» являются достаточно размытыми в силу наложения заподноевропейских и американских теорий на отечественную постсоветскую научную мысль. Вышеобозначенный симбиоз наблюдается у многих украинских теоретиков в сфере социальных коммуникаций и, в большей степени, объясняет положения существующего научного подхода к изучению заявленной проблемы. Сложность в семантическом аспекте добавляет тот факт, что коммуникация трактуется в современной украинской литературе как общение в широком смысле.